

УДК 323.1(14)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/58/20

ИДЕИ НАЦИОНАЛИЗМА И ЮГОСЛАВИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СЕРБИИ*

Е.Ю. Мелешкина¹, И.А. Помигуев²

¹ ИНИОН РАН

Россия, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского 15, 2
МГИМО(У) МИД РФ

Россия, 119454, г. Москва, пр. Вернадского, 76

E-mail: elenameleshkina@yandex.ru

² Финансовый университет при Правительстве РФ

Россия, 125993, г. Москва, Ленинградский пр., 49

ИНИОН РАН

Россия, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского 15, 2

E-mail: pomilya@mail.ru

Авторское резюме

В статье выявляется основное направление стратегии национального строительства в бывшем центре Социалистической Федеративной Республики Югославия – Сербии, показаны динамика ее развития и существование различных политических позиций по этому вопросу. Специфика возникновения новых государств после распада Югославии актуализировала противоречия между трактовками национальной общности. С одной стороны, сербам присущи идеи югославизма, предполагающие формирование наднациональной югославской идентичности; с другой – с конца XX в. активно внедрялся националистический дискурс, чему способствовало усиление антиевропейской риторики. В работе представлен ряд структурных и исторических факторов, обусловивших популярность националистических идей: несогласованность границ различного рода, разногласия по поводу государствообразующих вопросов, имперское и коммунистическое институциональное наследие, трагические события, связанные с распадом Югославии, и др. Анализируется появление феноме-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-011-00662) в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

на югостальгии и выявляются его причины. Авторы приходят к выводу, что националистические идеи в Сербии отчасти служат инструментом консолидации нации. При этом курс на интеграцию с Европейским союзом сгладил, но не исключил националистическую риторику публичных политиков. В свою очередь, непопулярность альтернативных идей югостальгии и югославизма на политической сцене можно объяснить неверием населения в возможность реставрации СФРЮ, неприятием коммунистических идей, а также межэтническими противоречиями, усилившимися после распада социалистической Югославии.

Ключевые слова: Сербия, югостальгия, югославизм, национализм, политический дискурс.

THE IDEAS OF NATIONALISM AND YUGOSLAVISM IN SERBIAN POLITICAL DISCOURSE*

E. Yu. Meleshkina¹, I.A. Pomiguyev²

¹ INION RAS

15 Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russia

MGIMO University

76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russia

E-mail: elenameleshkina@yandex.ru

² Financial University under the Government of the Russian
Federation

49 Leningradsky Avenue, GSP-3, Moscow, 125993, Russia

INION RAS

15 Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russia

E-mail: pomilya@mail.ru

Abstract

The article identifies the main direction of the national construction strategy in the former centre of the SFRY – Serbia. The authors show the dynamics of national construction, as well as various political positions on this issue. The emergence of

*The research is conducted by the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS) and supported by the RFBR, Project Nr. 19-011-00662.

new states after the Yugoslavian collapse actualised the contradictions in the national community interpretations. On the one hand, the ideas of Yugoslavism inherited by Serbs imply the formation of a supranational Yugoslav identity; while on the other hand, since the end of the 20th century the gradually enhancing anti-European rhetoric has been contrivuting much to the nationalist discourse. The paper inctroduces a series of structural and historical factors determining the popularity of nationalist ideas: problems with border delimitation, disagreements over state-forming issues, imperial and communist institutional heritage, tragic events associated with the collapse of Yugoslavia, etc. The authors analyse the phenomenon of Yugostalgia, reveal its causes and conclude that nationalist ideas in Serbia partly serve as a tool for consolidating the nation, while the course towards integration with the European Union has smoothed out, but not excluded the nationalist rhetoric of public politicians. In turn, the unpopularity of alternative ideas of Yugostalgia and Yugoslavism in politics are caused by the people's disbelief in the possible restoration of the Yugoslav Republic, rejection of communist ideas, and interethnic contradictions that have intensified after the collapse of Socialist Yugoslavia.

Keywords: Serbia, Yugostalgia, Yugoslavism, nationalism, political discourse.

После распада крупных государственных образований (СССР и СФРЮ) новые независимые государства, появившиеся на их территории, столкнулись с целым рядом проблем национального и государственного строительства. Среди них – несогласованность границ различного рода (национальных, культурных, конфессиональных, экономических, политических), отсутствие согласия по поводу образующих государство и нацию вопросов, слабость управленческого аппарата, имперское институциональное наследие в способах организации власти и др.

В странах бывшей Югославии события, сопровождавшие распад Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ), носили драматический характер и наложили существенный отпечаток как на проводившуюся в те годы политику, так и на последующее политическое развитие. На волне этих событий обрели популярность националистические политические силы. Практически во всех республиках в той или иной степени получила распространение национализаторская политика, предполагающая доминирование одной этнической группы и ее стандартов. Такая ситуация вполне вписывается в идею А. Козна о том, что важность символического выражения сообществ возрастает «по мере того, как фактические геосоциальные границы сообщества подрываются, размываются или иным образом ослабляются» [11: 50] и люди становятся все более

чувствительными к своим национальным корням. При этом именно на перифериях больше всего развит «этнический национализм как средство унификации и формирования солидарности, часто воспроизводится имперская модель национальных отношений в виде доминирования одной этнической группы над другой» [5: 86].

Вместе с тем на политической сцене этих республик присутствуют и силы, использующие иную, альтернативную риторику. Как отмечает Р. Брубейкер, нацию можно рассматривать как «точку-зрения-на-мир» [1]. Соответственно, соотношение возникающих и конкурирующих нарративов, а также официальная политика памяти во многом определяют нынешние и будущие контуры национальной идентичности и наций в целом.

В статье выявляется основное направление стратегии национального строительства в бывшем центре СФРЮ – Сербии, показывается ее динамика, а также существование различных политических позиций по этому вопросу.

Факторы, влияющие на формирование повестки дня и стратегии национального строительства. На формирование национальной идентичности и стратегии национального строительства в странах бывшей СФРЮ, включая Сербию, в значительной степени повлияли особенности политического развития Югославии, накопленный институциональный опыт, нерешенность проблем формирования наций и государств, обстоятельства распада страны, а также современные внутренние и международные условия. Как отмечал П. Колсто, третья волна формирования наций, которая поднялась после распада СССР и СФРЮ, отличается значительно более коротким отрезком времени и более отчетливыми прямыми и косвенными методами консолидации идентичности, в которых конструирование символов и ритуалов, а также манипуляция ими играют чрезвычайно важную роль [18: 1–18].

Обстоятельства, связанные с дезинтеграцией Югославии, специфика возникших новых независимых государств и нерешенность вопросов формирования нации и государств актуализировали противоречия между трактовками национальной общности, основанными на гражданских, государственных и иных критериях, в т. ч. этнических. Р. Брубейкер определяет такие противоречия как разницу между «государственно-фреймированными» и «контргосударственными» трактовками [1]. Первый вариант членства и идентичности базируется на принадлежности к определенному государству с его территорией и институтами, второй – на иных, альтернативных ему основах.

«Контргосударственный» вариант получил широкое распространение на территориях бывшей СФРЮ. Причем в его границах развиваются не только трактовки нации, основанные на этнических критериях,

но и другие подходы, которые также можно отнести к «контргосударственным», например, создающие и использующие ностальгические образы бывшей социалистической Югославии. Распространение и популярность этого варианта, степень его «контргосударственности» зависят от конкретных условий развития той или иной республики постъюгославского пространства, в т. ч. от исторического опыта национального и государственного строительства, институциональных традиций.

В Сербии период существования самостоятельного средневекового государственного образования сменился турецким завоеванием и длительным господством Османской империи. В 1878 г. Сербия получила независимость и была провозглашена королевством. После Первой мировой войны она стала ядром Королевства сербов, хорватов и словенцев (впоследствии Королевства Югославии), возглавлявшегося сербским королевским домом. С 1945 г. Сербия в качестве республики входила в состав Федеративной Народной Республики Югославии (впоследствии СФРЮ), в которой сербы, составлявшие 45 % населения, занимали доминирующее положение в управлении страной: вместе с черногорцами им принадлежало около 84 % должностей в государственном аппарате Югославии и около 70 % военных постов в Народной армии [4].

Административно-территориальное деление СФРЮ предполагало проживание значительной доли сербского населения вне Сербии, в других республиках. Сербия выступала центром социалистической Югославии, где активно развивались идеи югославизма, предполагавшие «формирование наднациональной югославской идентичности и консолидацию социалистического государства вследствие распада традиционных (этнических, культурных, религиозных) идентичностей и преодоления антисоциалистических убеждений» [10: 192]. Стоит отметить, что югославизм изначально не являлся конструктом, выстроенным вокруг идеологии социального противоборства, а в первую очередь был связан с борьбой за эмансипацию народов Западных Балкан, находившихся в составе имперских образований еще в 30–40-х гг. XIX в. Тем не менее в контексте международного кризиса на Балканах до и во время Первой мировой войны наиболее значимую роль сыграл югославизм как концепция государственного объединения сербов, хорватов и словенцев (с присоединением к этому государству Черногории), а во времена Тито под идеи югославизма активно подводился еще и мощный базис коммунистической идеологии. Однако такая политика осложняла процесс консолидации национальной идентичности в рамках квазигосударственного формирования.

Основные проблемы в плане национальной консолидации населения были связаны с существованием в составе Сербии Воеводины со значительным количеством венгерского населения и особенно Косово и Метохии с албанским населением. Еще в период существования СФРЮ в Косово происходили выступления против центральной власти, звучали лозунги об объединении с Албанией. Власти были вынуждены расширить автономию двух краев и снизить вмешательство в дела Косово, несмотря на усилившееся давление на сербское население. В результате в 1961–1981 гг. из Косово уехало 42 % проживавших там сербов и 63 % черногорцев [6: 81].

События, связанные с распадом Югославии, драматическим образом отозвались и в Сербии: югославская армия участвовала в войне в Хорватии на стороне хорватских сербов, Сербия также поддерживала сербов в Боснии и Герцеговине. В результате этого против нее были введены экономические санкции ООН. Обострение ситуации в Косово, военный конфликт, бомбардировка Белграда и других сербских городов подразделениями НАТО вынудили Сербию согласиться на ввод в Косово международных сил безопасности. В 2006 г. распался Государственный союз Сербии и Черногории. В 2008 г. парламент Косово объявил о независимости республики. С этого времени Сербия существует в нынешних фактических границах.

В результате событий, связанных с распадом Югославии, изменилась этническая конфигурация населения Сербии. Перепись населения 1991 г. (с учетом Косово) показывала, что сербы составляют 66 % населения республики, в то время как албанцы – 17 %. Сербов составляли около 31 % населения Боснии и Герцеговины и 12 % – Хорватии. В 2011 г. перепись проводилась уже без учета Косово. Согласно ее результатам доля сербов в населении значительно выросла и составила 86,6 %. Следующая по численности этническая группа – венгры (3,67 %) [22].

Для понимания конфигурации поля коллективной памяти в независимых государствах, возникших после распада СФРЮ, представляется особенно важным анализ публичной повестки дня и деятельности тех, кто «делает память» (*memory makers*; в отличие от «потребителей памяти» – *memory consumers* [17: 180], или мнемонических лидеров. Важно учитывать, что индивидуальная память быстро стирается, а воспоминания возникают тогда, когда коммуникативная активность мнемонических акторов помогает «вспомнить» [21], или гальванизировать, те элементы метанарратива, которые могут быть востребованы в изменившемся социально-политическом контексте. Поэтому анализ деятельности мнемонических лидеров по формированию и воспроизводству позитивного или негативного восприятия прошлого важен

для понимания различных конкурирующих проектов национальной идентичности и их конфигурации в настоящем.

Действия этих акторов, наполняющих исторические факты специальным символическим значением, определяются конкретными политическими интересами или идеологией, с которой они себя идентифицируют [21], и контекстом, в котором они действуют. В связи с этим адаптация фреймов памяти может сопровождаться отбором, позиционированием и замалчиванием [16: 54–58], поэтому коллективная память в целом селективна и подвержена манипуляции.

Основа для разногласий между политическими силами Сербии была заложена еще в социалистические времена, когда первым свидетельством подъема сербской националистической интеллектуальной оппозиции были выступление писателя Д. Чосича на пленуме ЦК Компартии в 1968 г., его последующее исключение из партии и выступление на заседании Сербской академии наук в 1977 г. [3]. После смерти И.Б. Тито националистические идеи усилились, особенно в интеллектуальных кругах.

Конкурирующие позиции по вопросам национального строительства после распада социалистической Югославии. Отмеченные особенности политического, национального и экономического развития Сербии во многом обусловили подъем националистических настроений в период распада Югославии и становления новых независимых государств. В Сербии это стало особенно заметно еще в период правления С. Милошевича. С его приходом к руководству Союзом коммунистов Сербии в 1986 г. фактически был осуществлен синтез коммунистической идеологии и сербского националистического дискурса. Обращение к идее сербской нации на политическом уровне стало играть легитимирующую роль для политического режима [13], создавался образ Великой Сербии. В публичных дискуссиях и официальных выступлениях появилась тема виктимизации сербов. Исторический ревизионизм – тенденция того времени: Сербия и сербы изображались жертвами исторических обстоятельств.

Деятельность ряда ученых из Сербской академии наук, писателей, журналистов¹ способствовала усилению роли темы этнических конфликтов в повестке дня и созданию националистического дискурса², благоприятного для оправдания и легитимации военных операций периода Хорватской и Боснийских войн и Косовского конфликта. В т. ч. переосмысливались моменты истории, имевшие основополагающее значение для возникновения социалистической Югославии. Этому служили ревизионистские интерпретации событий Второй мировой войны сквозь призму национализма, антикоммунизма и традиционализма, внимание к преступлениям, совершенным партиза-

нами, создание нового образа четников и обсуждение авторитарного характера режима И.Б. Тито [24]. Так, в 1989 г. известный сербский националист В. Шешель посетил США, где один из лидеров сербских четников М. Джутч присвоил ему звание «воевода».

После падения режима Милошевича новая политическая элита по факту не пересмотрела националистическую программу, имеющую конфликтный потенциал, публичный дискурс длительное время во многом контролировался государством. Под контролем были многие секторы экономики и сербский Телеком. Свободные СМИ занимали маргинальное положение. Публикация учебников истории контролировалась Советом по изданию учебников, тесно связанным с членами правящей партии [25: 223]. Исследования национализма в бывшей Югославии продемонстрировали намеренную работу элит в переписывании истории, чтобы соответствовать новому, предпочтительному национальному рассказу и типам мифов [27: 31]. При этом в сербских учебниках, критически настроенных по отношению к периоду социалистической Югославии, прослеживается гордость по поводу международного признания государства и его обширного политического влияния, «которое превосходило размеры страны» [12: 183].

Такая позиция вылилась в ревизионистские настроения части интеллектуальной и политической элиты, которая преуспела в вопросе приравнивания четников к национальному движению Сопротивления. Подчеркивалось, что обе эти группы боролись против нацистской оккупации во время Второй мировой войны, что подтверждается антифашистским характером их деятельности. Подобное уравнивание было принято в виде закона сербским парламентом в 2004 г. [26].

Сформированный националистический дискурс, в котором присутствовали антиевропейские настроения и неприятие решений Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), продолжал успешно существовать и зачастую определять повестку дня [25: 232].

Особенно показательны в этом отношении заявления В. Коштуницы и других представителей правой Демократической партии Сербии о необходимости объединения сербов на антикоммунистической и националистской основе. Популярная после падения режима Милошевича и вплоть до раскола в 2008 г. Сербская радикальная партия резко осуждала югославизм как «историческую болезнь» и считала образование югославянского государства ошибкой.

Подобные настроения находили поддержку среди населения. Так, Роберт Хайден в своем исследовании показал, что отношения почти всех главных этнических групп в бывшей Югославии к МТБЮ были враждебными, а самые негативные чувства отмечены у сербов.

Опрос общественного мнения в феврале 2002 г. показал, что МТБЮ доверяли лишь 8 % населения Сербии [15: 316]. Таким образом, национальные элиты получили дополнительные возможности заявить о своей позиции, укрепить политический капитал и помешать целям умеренных сил и реформаторов [26].

По-прежнему замалчивались традиции антифашизма и участие сербов в партизанском движении периода Второй мировой войны. В начале 2000-х гг. был отменен праздник по случаю восстания против фашистов, приняты законодательные меры, уравнивающие в правах партизан и четников. Официально было признано их равноправное участие в сопротивлении фашизму [14].

На этом фоне в качестве реакции на гомогенизацию идентичности и проводившуюся экономическую политику постепенно последовало распространение оппозиционных точек зрения, развитие которых было осложнено во время дезинтеграции Югославии и в последующий период. Среди них – югоноста́льгия, допускающая мультикультурные модели: в публичном пространстве активнее стали обсуждаться темы, связанные с возникновением социалистической Югославии, начали восстанавливать места памяти, связанные с периодом Второй мировой войны и борьбой с фашизмом, например кладбища освободителей Белграда. В 2014 г. там прошел военный парад в честь 70-летия освобождения города от фашистов. Некоторым улицам были возвращены имена советских полководцев, правда, не в центре города, а на его окраинах [14].

В целом стоит признать, что в Сербии югоноста́льгия получает распространение в первую очередь на бытовом и культурном уровнях. Один из самых посещаемых музеев Белграда – Музей истории Югославии. Есть несколько кафе с югославской и коммунистической символикой (например «Красная банда» в центре сербской столицы). В 2013 г. в Белграде прошла выставка «Хорошая жизнь», посвященная Югославии.

О популярности югоноста́льгии на социокультурном уровне свидетельствуют и результаты социологических опросов. В частности, по данным Гэллага, в 2017 г.³ [19] значительный процент жителей стран бывшей Югославии считают, что распад СФРЮ принес их стране вред, а не пользу. Этот показатель варьируется от страны к стране. Такой позиции придерживались 81 % жителей Сербии, противоположную позицию занимали только 4 % сербов.

Что касается политической сцены, то здесь идеи югоноста́льгии менее популярны. Это связано с трагическими событиями, сопровождавшими распад Югославии, а также с популярностью и активным распространением националистических идей. К тому же подавля-

общее большинство политиков и населения страны вполне рационально подходят к вопросу восстановления Югославии, считая, что в современных условиях такой вариант невозможен.

Прямое использование югославской темы в политической риторике – нечастое явление. В нынешнем политическом контексте Сербии оно не приносит больших дивидендов. Так, в 2009–2010 гг. И.Б. Тито, внук маршала Тито, объединил разные коммунистические организации в рамках Коммунистической партии Сербии. Эта партия использует позитивный образ Югославии и югославскую тематику в своей риторике. На выборах 2012 г. она не прошла в парламент, а в 2014 и 2016 гг. получила только одно место.

Вместе с тем отношение к социалистической Югославии во многом остается актуальным для определения характера публичных дискуссий и политических разногласий. Актуальность дискуссий между «позитивным» и «негативным» югославизмом для формирования публичного дискурса всех стран постъюгославского пространства отмечает М. Великоня [28, 30]. Если «позитивный» югославизм, основанный на ностальгических чувствах, в открытой форме не получает широкой поддержки на политическом уровне, то «негативный», базирующийся на критике бывшего государства, ностальгии по нему и предложений по усилению межрегионального сотрудничества, довольно популярен. Значимость противоречий между этими формами восприятия прошлого для политической жизни стран постъюгославского пространства, включая Сербию, приводит к возникновению разногласий и множественных инцидентов между Загребом и Белградом, что служит поводом для оценки отношений между двумя странами в ряде СМИ как «Балканская холодная война» [29].

Производители позитивной памяти о Югославии и их оппоненты отличаются по своим политическим взглядам. По заключению И. Спасич, позитивное восприятие Югославии характерно для большинства представителей либеральной, проевропейской и космополитической элит [23: 205]. Основная часть националистически настроенной элиты относится к Югославии негативно.

С 2008 г. новое руководство страны взяло курс на интеграцию с ЕС, что в первую очередь оказало влияние на законодательную сферу и риторику властей. Сербия глубоко разделена по вопросу членства в Европейском союзе, а главным препятствием к ее вступлению является, безусловно, Косово. На территории Сербии сейчас присутствует много представителей ЕС, расположен и международный контингент на юге, что существенно влияет на смягчение риторики политиков, а также на содержание законодательных инициатив. При этом Евросоюз больше волнуют не проблемы судебной системы, верховенства

законов или свободы граждан, а финансовый контроль и, главное, нормализация отношений с Косово. Последняя проблема наиболее остро задевает национальные чувства сербов и является причиной резких публичных заявлений националистического характера со стороны политиков.

Законодательство Сербии имеет ярко выраженный этноцентрический характер и не предполагает поиск компромиссов с другими, даже достаточно крупными, этническими группами в решении ключевых для страны вопросов. В Конституции, принятой в 2006 г., прямо указано, что «Сербия – это государство сербского народа и граждан, проживающих в нем» [9], а в конкретных случаях, определенных Конституцией, законы могут ограничивать права человека и, что выделено отдельно, меньшинств. Стоит отметить, что имеют место прецеденты, связанные с нарушением прав этнических групп, но они относятся не к законодательной сфере, а к проблемам правоприменения и конкретным трактовкам существующего законодательства [7].

Хотя в Уголовном кодексе и признается особо отягчающим обстоятельством совершение преступления на почве ненависти по признаку расы, вероисповедания, этнического происхождения и другого, на практике не зафиксировано какого-либо строгого его применения. В отчете Европейской комиссии о прогрессе по процессу интеграции Сербии в ЕС за 2016 г. указывается на необходимость принятия мер по защите от дискриминации, по активизации работы по расследованию преступлений на этой почве, а также по всестороннему подходу к интеграции национальных меньшинств на общегосударственном уровне [8].

Крайне правые группы в постъюгославской Сербии, которые действовали в рамках закона в течение 1990-х гг., сталкиваются теперь с изоляцией и даже судебным преследованием государственными органами. В то же время националистический ревизионизм истории и нежелание значительной части общества критически отнестись к войнам 1990-х гг. способствуют популярности подобных идей. Из-за отсутствия сильных левых партий крайне правые группы становятся единственной политической альтернативой новой проевропейской господствующей тенденции [26].

В целом националистические идеи в Сербии и их использование при определении стратегии национального развития отчасти служат инструментом консолидации нации в условиях неконсолидированных территориальных и этнических границ. Непопулярность альтернативных идей югоноста́льгии и югославизма на политической сцене объясняется в первую очередь неверием населения в возможность реставрации СФРЮ, неприятием коммунистических идей в современ-

ном сербском обществе, а также межэтническими противоречиями, усилившимися после распада социалистической Югославии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ряд ученых Сербской академии наук выступили с меморандумом, где пропагандировались идеи величия сербской нации и непризнания югославской нации [2]. Этот меморандум был опубликован в СМИ и стал доступным широким слоям населения.

2. В среде сербской национально ориентированной интеллектуальной элиты не было согласия относительно трактовки сербской нации и ряда других вопросов [20].

3. Было опрошено 1 000 жителей бывших республик Югославии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.

2. Городецкая Н.Б. Меморандум Сербской академии наук и искусств 1986 г.: к вопросу о проблемах интерпретации // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. № 5. URL: <https://history.jes.su/s207987840000575-1-1> (дата обращения: 5.06.2019).

3. Городецкая Н.Б. «Сербы» или «югославы»: к вопросу о национальном самоопределении в социалистической Югославии // Петербургские славянские и балканские исследования. 2017. № 2 (22). С. 63–76.

4. История Югославии. М.: АН СССР, 1963. Т. 2. 430 с.

5. Мелешкина Е.Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе. М.: ИНИОН РАН, 2012. 252 с.

6. Никифоров К.В. Сербия на Балканах. XX век. М.: Индрик, 2012. 176 с.

7. Редован годишњи извештај повереника за заштиту равноправности за 2018. Годину // Народна скупштина Републике Србије. URL: <http://www.parlament.gov.rs/upload/archive/files/cir/pdf/izvestaji/2019/467-19.pdf> (дата обращения: 10.10.2019).

8. Редован годишњи извештај повереника за заштиту равноправности за 2016. Годину // Народна скупштина Републике Србије. URL: <http://www.parlament.gov.rs/upload/archive/files/cir/pdf/izvestaji/2017/Poverenik%20za%20zastitu%20ravnopravnosti.pdf> (дата обращения: 10.10.2019).

9. Устав Републике Србије из 2006. Године. URL: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/74694/119556/F892259290/SRB74694%20Srb.pdf> (дата обращения: 10.10.2019).

10. Харитоновна О.Г. СФРЮ: Институциональные проблемы этнической федерации // Политическая наука. 2013. № 3. С. 190–204.

11. Cohen A.P. The Symbolic Construction of Community. L.: Routledge, 1985. 128 p.

12. Đurić Đ., Pavlović M. Istorija za 8. razred osnovne škole. Beograd: Zavod za udžbenike, 2016. 191 s.
13. Gordy E. The culture of power in Serbia: Nationalism and the distribution of alternatives. University park: The Pennsylvania State University Press, 1999. 232 p.
14. Govedarica N. Zemlja nesigurne prošlosti: Politike sećanja u Srbiji u periodu 1991–2011. Godina // Revizija prošlosti. Politike sjećanja u Bosni i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990. godine. Sarajevo: Asocijacija Alumni Centra za interdisciplinarne postdiplomske studije (ACIPS), 2012. P. 163–234.
15. Hayden R.M. What's Reconciliation Got to do with it? The International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY) as Antiwar Profiteer // Journal of Intervention and Statebuilding. 2005. Vol. 5, № 3. P. 313–330.
16. Jusić T. Medijski diskurs i politika etničkog sukoba. Jugoslovenski slučaj // Intima javnosti. Okviri predstavljanja, narativni obrasci, strategije i stereotipi konstruisanja Drugosti u upečatljivim događajima tokom razgradnje bivše Jugoslavije: štampa, TV, film / Ed. by G. Đerić. Beograd: Fabrika knjiga, 2008. P. 40–63.
17. Kansteiner W. Finding meaning in memory: A methodological critique of collective memory studies // History and theory. 2002. № 2. P. 179–197.
18. Kolstø P. Strategies of Symbolic Nation-Building in South Eastern Europe. Ashgate: Farnham, 2014. 300 p.
19. Many in Balkans still see more harm from Yugoslavia breakup / GALLUP. 2017. URL: http://news.gallup.com/poll/210866/balkans-harm-yugoslavia-breakup.aspx?utm_source=alert&utm_medium=email&utm_content=morelink&utm_campaign=syndication (дата обращения: 10.10.2019).
20. Pavković A. From Yugoslavism to Serbism: The Serb National Idea 1986–1996 // Nations and Nationalism. 1998. № 5. P. 511–528.
21. Reksć M. Post-Yugoslav collective memory between national and transnational myths // Polish political science yearbook. 2016. Vol. 45. P. 73–84.
22. Попис становништва, домаћинства и станова 2011. у Републици Србији. Етноконфесионални и језички мозаик Србије / В. Ђурић, Д. Танасковић, Д. Вукмировић, П. Лађевић. Београд: Републички завод за статистику, 2014. 207 с.
23. Spasić I. Kultura na delu. Društvena transformacija Srbije iz burdijeovske perspective. Beograd: Fabrika knjiga, 2013. 318 p.
24. Steflja I. Internationalised justice and democratisation: how international tribunals can empower non-reformists // Third World Quarterly. 2018. Vol. 39, is. 9. P. 1675–1691. <https://doi.org/10.1080/01436597.2018.1447370>
25. Stojanović D. Noga u vratima: prilozi za političku biografiju Biblioteke XX vek. Beograd: Bibl. XX vek, 2011. 296 s.
26. Tomić Đ. On the 'right' side? The Radical Right in the Post-Yugoslav Area and the Serbian Case // Fascism. 2013. № 2. P. 94–114.
27. Trošt T.P. Remembering the good: constructing the nation through joyful memories in school textbooks in the former Yugoslavia // Memory Studies. 2019. Vol. 12 (1). P. 27–45. <https://doi.org/10.1177/1750698018811986>
28. Velikonja M. Titostalgia: A study of nostalgia for Josip Broz. Ljubljana: Peace Institute, 2008. 146 p.

29. Velikonja M. Lost in transition // East European politics and societies. 2009. Vol. 23, № 4. P. 535–551.

30. Velikonja M. ROCK'N'RETRO. Novi jugoslavizam u savremenoj slovenačkoj popularnoj muzici // Nebeska Jugoslavija. Interakcije političkih mitologija i pop-kulture / Ed. by V. Perica, M. Velikonja. Beograd: Biblioteka XX vek, 2012. P. 67–171.

REFERENCES

1. Brubaker, R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Translated from English. Moscow: HSE.

2. Gorodetskaya, N.B. (2013) Memorandum of the Serbian Academy of Sciences and Arts of 1986: on the Problems of Interpretation. *History*. 5. [Online] Available from: <https://history.jes.su/s207987840000575-1-1> (Accessed: 6th May 2019) (in Russian).

3. Gorodetskaya, N.B. (2017) “Serbs” or “Yugoslavs”: on national self-determination in Socialist Yugoslavia. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2(22). pp. 63–76 (in Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu19.2017.205

4. Valeva, L.B. (ed.) (1963) *Istoriya Yugoslavii* [History of Yugoslavia]. Vol. 2. Moscow: AS SSSR.

5. Meleshkina, E.Yu. (2012) *Formirovaniye novykh gosudarstv v Vostochnoy Evrope* [The formation of new states in Eastern Europe]. Moscow: INION RAS.

6. Nikiforov, K.V. (2012) *Serbiya na Balkanakh. XX vek*. [Serbia in the Balkans. The 20th century]. Moscow: Indrik.

7. Serbia. (2018) Redovan god i data vykhoda za 2018 god. Godinu [Regular Annual Report of the Commissioner for the Protection of Equality for 2018]. *Narodna skupština Republike Srbije*. [Online] Available from: <http://www.parlament.gov.rs/upload/archive/files/cir/pdf/izvestaji/2019/467-19.pdf> (Accessed: 10th October 2019).

8. Serbia. (2017) Regular Annual Report of the Commissioner for the Protection of Equality for 2016. *Narodna skupština Republike Srbije*. [Online] Available from: <http://www.parlament.gov.rs/upload/archive/files/cir/pdf/izvestaji/2017/Poverenik%20za%20zastitu%20pravnopravnosti.pdf> (Accessed: 10th October 2019).

9. Serbia. (2006) *Constitution of the Republic of Serbia, 2006*. [Online] Available from: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/74694/119556/F892259290/SRB74694%20Srb.pdf> (Accessed: 10th October 2019).

10. Kharitonova, O.G. (2013) Institutional problems of ethnic federation: The case of SFRY. *Politicheskaya nauka*. 3. pp. 190–204 (in Russian).

11. Cohen, A.P. (1985) *The Symbolic Construction of Community*. London: Routledge.

12. Đurić, Đ. & Pavlović, M. (2016) *Istorija za 8. razred osnovne škole* [History for Grade 8 Elementary School]. Belgrade: Zavod za udžbenike.

13. Gordy, E. (1999) *The Culture of Power in Serbia: Nationalism and the Distribution of Alternatives*. The Pennsylvania State University Press.

14. Govedarica, N. (2012) Zemlja nesigurne prošlosti: Politike sećanja u Srbiji u periodu 1991–2011. Godina [A land of uncertain past: Policies of remembrance in Serbia in the period 1991–2011. Year]. In: Karačić, D., Govedarica, N. & Bajeglav, T. *Revizija prošlosti. Politike sjećanja u Bosni i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990 godine*. Sarajevo: Asocijacija Alumini Centra za interdisciplinarnu postdiplomske studije (ACIPS). pp. 163–234.

15. Hayden, R.M. (2005) What's Reconciliation Got to do with it? The International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY) as Antiwar Profiteer. *Journal of Intervention and Statebuilding*. 5(3). pp. 313–330. DOI: 10.1080/17502977.2011.595597

16. Jusić, T. (2008) Medijski diskurs i politika etničkog sukoba. Jugoslovenski slučaj [Media Discourse and the Politics of Ethnic Conflict. Yugoslav case]. In: Đerić, G. (ed.) *Intima javnosti. Okviri predstavljanja, narativni obrasci, strategije i stereotipi konstruisanja Drugosti u upečatljivim događajima tokom razgradnje bivše Jugoslavije: štampa, TV, film* [Public intimacy. Representation frameworks, narrative patterns, strategies and stereotypes of constructing Otherness in striking events during the breakup of the former Yugoslavia: print, TV, film]. Belgrade: Book Factory. pp. 40–63.

17. Kansteiner, W. (2002) Finding meaning in memory: A methodological critique of collective memory studies. *History and Theory*. 2. pp. 179–197. DOI: 10.1111/0018-2656.00198

18. Kolstø, P. (2014) *Strategies of Symbolic Nation-Building in South Eastern Europe*. Ashgate: Farnham.

19. Gallup.com. (2017) *Many in Balkans still see more harm from Yugoslavia breakup*. [Online] Available from: http://news.gallup.com/poll/210866/balkans-harm-yugoslavia-breakup.aspx?utm_source=alert&utm_medium=email&utm_content=morelink&utm_campaign=syndication (Accessed: 10th October 2019).

20. Pavković, A. (1998) From Yugoslavism to Serbism: The Serb National Idea 1986–1996. *Nations and Nationalism*. 5. pp. 511–528. DOI: 10.1111/j.1354-5078.1998.00511.x

21. Rekšć, M. (2016) Post-Yugoslav collective memory between national and transnational myths. *Polish Political Science Yearbook*. 45. pp. 73–84.

22. Đurić, V., Tanasković, D., Vukmirović, D. & Lađević, P. (eds) (2014) *Popis stanovništva, domaćinstva i stanova 2011. u Republici Srbiji. Etnokonfessionalni i jezički mozaik Srbije* [Population Census 2011 in the Republic of Serbia. Ethno-confessional and linguistic mosaic of Serbia]. Belgrade: Statistical Office of the Republic of Serbia.

23. Spasić, I. (2013) *Kultura na delu. Društvena transformacija Srbije iz burdijevske perspective* [Culture at Work. Social Transformation of Serbia from a Bourdieu Perspective]. Belgrade: Book Factory.

24. Steflja, I. (2018) Internationalised justice and democratisation: how international tribunals can empower non-reformists. *Third World Quarterly*. 39(9). pp. 1675–1691. DOI: 10.1080/01436597.2018.1447370

25. Stojanović, D. (2011) *Noga u vratima: prilozi za političku biografiju Biblioteke XX vek* [The Foot in the Door: Contributions to the Political Biography of the 20th Century Library]. Belgrade: Bibl. XX vek.

26. Tomić, Đ. (2013) On the 'right' side? The Radical Right in the Post-Yugoslav Area and the Serbian Case. *Fascism*. 2. pp. 94–114. DOI: 10.1163/22116257-00201012

27. Trošt, T.P. (2019) Remembering the good: Constructing the nation through joyful memories in school textbooks in the former Yugoslavia. *Memory Studies*. 12(1). pp. 27–45. DOI: 10.1177/1750698018811986

28. Velikonja, M. (2008) *Titostalgia: A study of nostalgia for Josip Broz*. Ljubljana: Peace Institute.

29. Velikonja, M. (2009) Lost in transition. *East European Politics and Societies*. 23(4). pp. 535–551.

30. Velikonja, M. (2012) ROCK'N'RETRO. Novi jugoslavizam u savremenoj slovenačkoj popularnoj muzici [ROCK'N'RETRO. New Yugoslavism in Contemporary Slovenian Popular Music]. In: Perica, V. & Velikonja, M. (eds) *Nebeska Jugoslavija. Interakcije političkih mitologija i pop-kulture* [Heavenly Yugoslavia. Interactions of political mythologies and pop culture]. Belgrade: Library of the 20th Century. pp. 67–171.

Мелешкина Елена Юрьевна – доктор политических наук, заведующая отделом политической науки Института научной информации по общественным наукам РАН (Россия), профессор МГИМО (У) МИД РФ (Россия).

Elena Yu. Meleshkina – INION RAS (Russia); MGIMO University (Russia).

E-mail: elenameleshkina@yandex.ru

Помигуев Илья Александрович – кандидат политических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (Россия); научный сотрудник отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам РАН (Россия).

Ilya A. Pomiguyev – Financial University under the Government of Russian Federation (Russia); INION RAS (Russia).

E-mail: pomilya@mail.ru